

4. Кичаева А. В., Цыбина Л. В. Лексические средства выражения оценки в англоязычном спортивном дискурсе // ОГАРЁВ-ONLINE. № 10(99), 2017.

5. Таюпова О. И., Бычковская Н. В. Медиалингвистика как современное научное направление // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 1. 2014. С. 38–44.

6. Темнова Е. В. Лексико-семантический потенциал англоязычного заголовочного медиадискурса // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2019. № 2(61). С. 145–150.

7. Цыбина Л. В. Вербальные и невербальные способы репрезентации эмоции «страх» в англоязычном художественном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 12-1(78). С. 168–171.

8. Цыбина Л. В. Лексико-грамматические средства выражения эмоции «гнев» в симметричном дискурсе // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2004. С. 33–40.

9. Шамина Н. В. К вопросу о соотношении лингвистического и экстралингвистического факторов при анализе текста и обучении чтению // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: сб. науч.-метод. тр. Саранск, 2004. С. 208–211.

УДК 882: 417.3

*О. С. Шурупова (Липецк, Россия)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Концептосфера «крымского текста» русской литературы

Крым является топонимом высокой культурной значимости, вокруг которого создается сверхтекст, связанный единым мифом. Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей концептосферы «крымского текста» русской литературы. В основе исследования концептосферы сверхтекста лежит гипотеза о культурных кодах, которые могут быть интерпретированы посредством анализа языковой ткани «крымского текста». В статье подвергнуты анализу ключевые концепты сверхтекста. Сделан вывод об основных особенностях сверхтекстовой картины мира, создающейся в пределах «крымского текста» русской литературы.

Ключевые слова: «крымский текст», локальный сверхтекст, концепт, концептосфера, сверхтекстовая картина мира

В настоящее время актуальным является изучение сверхтекстов, которые представляют собой систему текстов, образующих единую мифотектоническую парадигму и характеризующихся сходной модальностью и общей сверхтекстовой картиной мира. Возникающие в рамках той или иной культуры на основании формирующихся веками мифологических кодов сверхтексты служат стимулами ее развития.

Целью данной статьи является изучение концептосферы «крымского текста» русской литературы, который организован вокруг значимого с культурной точки зрения топонима. Образ Крыма появлялся уже в древнерусской литературе, но когда в XVIII веке Крым вошел в состав Российской империи, это произвело глубочайшее впечатление на русское общество. Постепенно возник «крымский миф», породивший богатый и обширный сверхтекст, насчитывающий множество составляющих. К Крыму обращаются А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, К. Бальмонт, М. Волошин, А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Ахмадулина, Ю. Друнина и др. Но в основе произведений различных авторов лежит сходная мифотектоника Крыма. Как отмечает С. О. Курьянов, «в формировании Крымского текста именно Крымский миф выступает цементирующим началом для объединения в нем крымских образов, мотивов и тем» [4, с. 181]. Исследователь выделяет инварианты данного мифа, которые «условно могут быть названы “христианским”, “восточным”, “райским”, “античным”, “военным” и “курортным”» [6, с. 197]. Крым для русского человека – это и колыбель православия, где принял крещение князь Владимир, и неведомый татарский Восток, который долгое время внушал страх и наконец был покорен, и античная Таврида, и курорт, и райский уголок на земле, куда уносится мечтами человек, уставший от оков столичной жизни. По словам М. В. Строганова, «в культуре XIX в. и наследующей ей традиции это в первую очередь экзотический сад» [10, с. 73]. Однако различные тексты, посвященные Крыму, характеризуются сходной концептосферой, и ее исследование позволит выявить ключевые концепты Крымского текста, в которых и получает воплощение свойственная ему сверхтекстовая картина мира.

По нашему мнению, ядерным концептом большинства локальных сверхтекстов является концепт, получающий репрезентацию с помощью значимого для него топонима, то есть в данном случае таким концептом должен быть признан *Крым*. Наряду с топонимом Крым наиболее частотными в данном сверхтексте являются топонимы *Бахчисарай*, *Гурзуф*, *Коктебель*, *Севастополь*, *Феодосия*, *Ялта*. Они связаны с доминантными точками крымского пространства, наиболее значимыми для его представления и понимания. Упоминания о Бахчисарае и Старом Крыме связаны с воспеванием утраченного Крымом величия и богатства. Топонимы часто встречаются в названиях составляющих «крымского текста» («Бахчисарай», «В Гурзуфе», «Гурзуф», «Коктебель», «Над Феодосией угас...» и т. д.).

Что касается временных концептов, то в организации смыслового пространства «крымского текста» важную роль явно играет концепт *ночь*: «Настала ночь. Утих базар. / Теснины улиц глухи, немы» (В. Бенедиктов. Бахчисарай) [11]; «Неслышно *Ночь* ступает, вступает в этот мир, / И таинство свершает, и шествует на пир» (К. Бальмонт. Аюдаг) [11]; «Подходят *ночи* в сомбреро синих, / Созвездья взоров поют звезде» (И. Северянин. Коктебель) [11]; «Там, *но-*

чью звездной, я порою / о крыльях грезил...» (В. Набоков. Крым) [11]. Действие в составляющих сверхтекста нередко происходит лунной ночью. Луна – источник света, но света обманчивого и тусклого. Она появляется на небосклоне лишь в темное время суток, и Крым довольно часто предстает в посвященном ему сверхтексте озаренным неверным лунным светом, под лучами которого все приобретает таинственные очертания: «И луной озарённое, / Плещет море бессонное» (Л. Бельский. Крымская ночь) [11]; «Лунный луч белел на каменном пороге» (В. Набоков. Крым) [11]; «Вижу дерево, море, луну, / Их беспамятство и безмянность» (Б. Ахмадулина. Прощание с Крымом) [11]. Лунной, неестественно красивой южной ночи, навевающей обманчивые сны, противостоят заря и яркий, солнечный день, когда море успокаивается и люди кажутся «успокоенными и очарованными в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба» [13, с. 370]; «Все сильнее горя, / Молодая заря / На цветы уронила росу» (К. Бальмонт. Крымская картинка) [11]; «День был жаркий, безветренный. Море лежало спокойное, ласковое, нежно-изумрудное около берегов, светло-синее посредине...» [3, с. 248].

Конечно, в «крымском тексте» ведущую роль играет концепт *море*, получающий репрезентацию практически во всех его составляющих: «И своды скал, и моря блеск лазурный, / И ясные, как радость, небеса?» (А. Пушкин. Кто видел край, где роскошью природы...) [9, с. 153]; «У наших ног обрыв крутой, / А впереди – неизмеримый, / Безбережный, необозримый, / Лазоревый простор морской» (К. Романов. В Крым) [11]; «Где *море* поет, подперев небосклон, / И зеркалом служит звезде, – / Лишь здесь я познал превосходство *морей* / Над нашею тесной землей» (Н. Заболоцкий. Гурзуф) [11]; «Ей были видны *море* до горизонта, пароходы, люди на берегу, город, и все это вместе со зноем и прозрачными нежными волнами раздражало ее и шептало ей, что надо жить, жить» (А. Чехов. Дуэль) [14, с. 405]; «Прислушайся, как шелестит / В них голос *моря* – безысходней, Чем плач теней...» (М. Волошин. Коктебель) [11]. Этот концепт реализует следующие признаки: «часть Мирового океана», «большой водоем», «обширное пространство», «путь» [8, т. II, с. 299]. Море прекрасно и огромно, оно представляет собой неизмеримое пространство, по сравнению с которым ничтожны и суша, и человек. Возможно, поэтому во многих составляющих «крымского текста» плеск морских волн вселяет в душу героев тревогу. В шелесте волн как бы слышится нечто потустороннее, «бесконечно далекое, невообразимое время, когда Бог носился над хаосом» [14, с. 464]. Слово «море» входит в состав фразеологизмов «житейское море» – жизнь с ее заботами и волнениями, «за море» – на чужбину, «за морем» – очень далеко. В «крымском тексте» концепт *море* участвует в организации сверхтекстовой картины мира, в которой Крым представлен как далекий край, не похожий на то пространство, которое обычно окружает человека. Он прекрасен, но персонаж сверхтекста часто ощущает чуждость и непостижимость этого края.

Другим важным концептом, участвующим в создании соответствующего смыслового пространства, можно признать концепт *гора*, получающий репрезентацию в словах *гора, горный, скала, утес, холм*, а также в некоторых именах собственных. В Крыму много знаменитых гор, которые являются доминантными точками сверхтекстового пространства и в названиях которых получает репрезентацию концепт гора. «Он здесь! – В средину цепи *горной* / Вступил, и, дав ему простор, / Вокруг почтительно, покорно / Раздвинулись громады *гор*» (В. Бенедиктов. Чатырдаг) [11]; «Окунувши морду в море, / Косо смотрит *Аюдаг*» (А. Толстой. «Растянулся на просторе...») [11]; «Уж сумрак пал, как пепел сизый, / Как дым угасшего костра: / Лишь светится багряной ризой / Престол аллы – *Шатер-Гора*» (И. Бунин. В крымских степях) [1, с. 137], «Как этих острых *скал* причудливы черты!» (Н. Недоброво. Демерджи) [11], «И все полней молчанье, и все чернее мрак. / Застыл, как изваянье, тяжелый *Аюдаг*» (К. Бальмонт. Аюдаг) [11]; «И сих холмов однообразный строй, / И напряженный пафос *Карадага*» (М. Волошин. Коктебель) [11]; «И над живыми зеркалами / Возникнет тёмная *гора*» (М. Волошин. Карадаг) [11].

Концепт *гора* реализует признаки «значительная возвышенность», «множество» [8, т. I, с. 331]. Для понимания его роли в организации сверхтекстовой картины мира имеют значение и фразеологизмы «гора на душе» – тягостное душевное состояние, «за горами» – далеко. Недоступные громады крымских гор, как и море, позволяют человеку ощутить брэнность и краткость своей жизни. Интересно стихотворение А. К. Толстого «Растянулся на просторе...», в котором утес, напоминающий медведя, предстает как живое существо, недоступное для путника и искоса наблюдающее за его беспомощными попытками приблизиться.

Н. Ф. Лищенко считает знаками «крымского текста» ряд природных локусов (бухты, мысы, горы и скалы), а также «распространенные виды крымской флоры» [7, с. 214]. Действительно, интересны концепты, связанные с растительным миром Крыма. В составляющих сверхтекста упоминаются тополя, чабрец, полынь, кизил, розы и особенно часто – кипарисы – деревья, связанные со смертью и с вечностью: «Город со своими *кипарисами* имел совсем мертвый вид» (А. Чехов. Дама с собачкой) [13, с. 369]; «И острый *кипарис* над кущей роз пунцовых / Чернеет в небесах...» (Д. Мережковский. На южном берегу Крыма) [11]; «И, как на бархате мука, / седеет пыль на *кипарисах*» (В. Набоков. Крымский полдень) [11]. С одной стороны, они украшают город, с другой – напоминают о смерти и о вечности.

Во всех городских сверхтекстах отечественной литературы немаловажное место занимают цветовые концепты. В палитре «крымского текста» наиболее частым цветом является синий. Он связан с Черным морем, с далекими горами и с безоблачным южным небом. «*Синеет* ширь морская, чернеет Аюдаг. / Теснится из-за Моря, растет, густеет мрак» (К. Бальмонт. Аюдаг) [11]; «Между до-

мов поблескивает море, / Слепя горячей *синькою* глаза» (Д. Кедрин. Воспоминания о Крыме) [11]; «Снова горы вижу я, / Их *синьющие* цепи...» (В. Шуф. Горы близ Симферополя); «В *лазурную* чашу сияющих вод / Спускается сонный Гурзуф» (Н. Заболоцкий. Гурзуф) [11]. Синий цвет в русской культуре связан с Богородицей, небом и вечностью. Крым – место, где человек встречается с вечным, где море и горы остаются на протяжении столетий все такими же таинственными и непостижимыми, и данный цветовой концепт способствует созданию такого смыслового пространства.

Рассматривая локальные сверхтексты, следует обращать внимание на разнообразие случаев репрезентации звуковых концептов. Крым наполнен прежде всего тишиной, нарушаемой лишь шумом моря: «*Утих* базар. / Теснины улиц глухи, *немы*» (В. Бенедиктов. Бахчисарай) [11]; «*Безмолвие* ей шепчет, что дню пришел конец» (К. Бальмонт. Аюдаг) [11]; Беглец толпы людской, лишь волн внимая шуму, / Свою великую в *тиши* он думал думу (А. Голенищев-Кутузов. В Гурзуфе) [11]; «Какая *тишина!* И птицы, / И люди – всё молчит кругом» (Г. Чулков. Ночь в Гаспре) [11]. В создаваемом в сверхтексте пространстве, где часто царят ночь и сумрак, нет места громким звукам.

Таким образом, «крымский текст» представляет собой систему текстов, в которых создается единое смысловое пространство, где герой текста испытывает, по замечанию С. О. Курьянова, «состояние, которое можно сравнить с пребыванием в раю, когда нет ничего, что гнетет и связывает с землей, а есть ощущение бесконечной легкости бытия» [4, с. 184]. В данном сверхтексте получает реализацию миф о Крыме как далеком, древнем и непостижимо таинственном крае, о котором можно мечтать, куда можно стремиться, подобно лирическим героям многочисленных стихотворений, посвященных Крыму, Лаевскому и Надежде Федоровне из «Дуэли» А. П. Чехова или попадье из рассказа А. И. Куприна «В Крыму (Меджид)». Все составляющие «крымского текста» обязательно включают описания природы, моря, гор. Однако здесь человек острее чувствует и свою незащищенность, и бренность своей жизни, и ничтожность своих планов и стремлений по сравнению с величию гор и моря: «Где ты, где ты?— ответа не слышу. / За веками проходят века. / Так над степью и над Агармышем / Равнодушно плывут облака...» (Ю. Друнина. Старый Крым) [11]. В «крымском тексте» создается пространство, где человек встречается с вечностью. Однако в то же время древний Крымский край дает человеку и силу продолжать жизнь, преодолевать препятствия и переносить невзгоды.

Литература

1. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1987. С. 137–138.
2. Куприн А. И. В Крыму (Меджид) // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 136–152.

3. Куприн А. И. Корь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 226–249.
4. Куприн А. И. Морская болезнь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 59–83.
5. Курьянов С. О. Крымский текст как литературоведческий феномен // Вопросы русской литературы. 2014. № 29(86). С. 176–185.
6. Курьянов С. О. Миф о Крыме как райском саде: создатели и содержание // Вопросы русской литературы. 2014. № 28(85). С. 207–223.
7. Курьянов С. О. Понятие Крымского мифа как основы Крымского текста // Вопросы русской литературы. 2014. № 27(84). С. 189–203.
8. Лищенко Н. Ф. Крымский текст русской литературы: топосы, мотивы, семиосфера // Вопросы русской литературы. 2014. № 29(86). С. 206–215.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. 688 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
11. Стихотворения русских поэтов про Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russian-poetry.ru/AllThemePoems.php?ThemeId=62> (дата обращения: 29.07.2020).
12. Строганов М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (И не только Пушкин) // Крымский текст в русской культуре: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 сент. 2006 г.) / под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 72–88.
13. Чехов А. П. Дама с собачкой // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1970. Т. 6. С. 364–385.
14. Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1970. Т. 4. С. 377–479.